

*Рубан А. А.,
кандидат філологічних наук,
доцент кафедри російського мови та літератури
Донецького державного педагогічного університету*

*Семяникова М. И.,
магістрант кафедри російського мови та літератури
Донецького державного педагогічного університету*

ТИПЫ ДВОЙНИЧЕСТВА В ПРОЗЕ Л. Н. АНДРЕЕВА: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Аннотация. Статья посвящена феномену двойничества в прозе Л.Н. Андреева. Рассматриваются в общем виде такие типы двойничества, как двойники-антагонисты, карнавальная пара, близнецы. Обращается внимание на другие классификации, предлагается анализ таких двойников Л.Н. Андреева, как двойники-individuum'ы и двойники-dividuum'ы.

Ключевые слова: двойничество, персонаж, Л.Н. Андреев, двойники-антагонисты, карнавальная пара, близнецы, анализ произведения.

Постановка проблемы. Творчество Л.Н. Андреева последние три десятилетия активно и всесторонне исследуется. Сегодня актуализируется вопрос не только о базовом принципе творческого мышления писателя, но и о частных проявлениях поэтики его произведений. Этой задаче в полной мере отвечает феномен двойничества, который в художественной системе писателя имеет более глубокие основания, чем предполагалось ранее.

Анализ последних исследований и публикаций. Феномену двойничества и появляющимся в результате его воплощения в литературном произведении персонажам-двойникам посвящено немало научных работ. Так, Е.М. Мелетинский [8] связывает образ двойника с близнечными мифами и архетипами культурного героя и трикстера (речь идет о самом распространенном типе двойничества – «двойники-антагонисты»). М.М. Бахтин [2] декларирует генетическую связь существования двойников с природой карнавального смеха и связывает с феноменом двойничества пародийность и гротеск как традиционные «двойнические» приемы. Двойко трактует феномен двойничества Н.Т. Рымарь [10]. В широком смысле этот феномен актуализируется в пяти типах сюжетно-композиционного развертывания образа героя через различные отношения «контакта и дистанции» с другими персонажами, а иногда и автором. В узком смысле двойничество выведено в план «подобий и отражений», когда «двойники» героя ведут самостоятельную жизнь и в них какие-то стороны его личности получают осуществление, акцентуацию и свободное развертывание.

Феномен двойничества становится предметом исследования и в кандидатских диссертациях, научных статьях [3; 4; 5; 7; 9; 11 и др.], где показываются различные варианты мотива двойника, излагаются религиозно-философские основы и эстетические принципы двойничества, предпринимается анализ конкретных форм реализации феномена двойничества в отдельных произведениях и др. Тем не менее вопрос об исходном понятии, о видах двойников продолжает оставаться спорным как вообще в литературе, так и в творчестве отдельных писателей в частности. В данной статье

предпринята попытка типологизировать персонажей-двойников в прозе Л.Н. Андреева.

Целью статьи является выявление основных традиционных форм двойничества в прозе Л.Н. Андреева и разработка соответствующей типологии.

Изложение основного материала. Типология двойничества насчитывает несколько его разновидностей, которые зависят прежде всего от того, как осуществляется связь двойников в паре. Типы двойничества различаются: 1) в плане происхождения (генезиса); 2) в плане репрезентируемой модели социума; 3) в плане соотношения персонажей-двойников друг с другом; 4) структурой сюжетного развертывания; 5) жанровыми моделями, в которых тот или иной тип двойничества преимущественно воплощается. В связи с этим можно выделить три типа двойничества: 1) двойники-антагонисты; 2) карнавальные пары; 3) близнецы.

Самым распространенным типом вообще в литературе являются «двойники-антагонисты», отношения между которыми организуются как конкуренция и противоборство. Генетически эта модель восходит к мифологической структуре «культурный герой-трикстер» и существует на протяжении всей истории литературы. Противопоставленность героев может обнаруживаться в психологической, нравственной, социальной, возрастной и метафизической областях. Яркими представителями такого типа у Л.Н. Андреева становятся Сперанский – Кошеверов («Жили-были»), Христос – Иуда («Иуда Искариот»), Сатана – Магнус («Дневник Сатаны») и др.

В рассказе «Жили-были» представлены две противоположные, но взаимодополняющие жизненные позиции, которые сливаются воедино перед лицом смерти. Болезнь и приближение смерти делает Сперанского и Кошеверова героями не то сказки о жизни и смерти богача и священника, не то жития святого и грешника, не то мифа о братьях-близнецах. У читателей же оба героя могли ассоциироваться с мифологическими божественными близнецами-антагонистами вроде Прометея и Эпиметея, первоначально составляющими единую мифологему. При всем своем различии (Сперанский светел, радостен, жизнелюбив, а Кошеверов циничен, безверен) они оба как бы одно целое, положительное и отрицательное в совокупности. Им обоим скучно: правда, Кошеверову всегда, а Сперанскому только перед лицом смерти; оба они, как малые дети, плачут «о солнце, которого больше не увидят, о яблоке «белый налив», которая без них даст свои плоды, о тьме, которая охватит их, о милой жизни и жестокой смерти» [1, т. 1, с. 294].

В основе андреевской легенды «Иуда Искариот» лежит напряженный внутренний (нравственно-философский, психологический) конфликт между двумя главными героями-идеологами и их

представлениями об Истине (в том числе и Истине о Человеке). Истина, по Л.Н. Андрееву, – скорее состояние души, а ее достижение неразрывно связано с обретением внутренней свободы. У писателя свободен Христос, а Иуда – нет, он зависит от своих мыслей, претензий, от окружающего «несовершенного» человечества. Христос имел право пожертвовать своей жизнью ради Истины, но никому (в том числе и Сверхчеловеку) не дозволено безнаказанно жертвовать ради нее чужой жизнью.

Иуда восстает не только против истины Христа, в поиске и доказательстве своей истины он «противится» самому себе. В этом прослеживаются черты архаического близнечного мифа. Иуда – «близнец» Христа, поэтому он так страдает, готовя предательство, а затем наблюдая крестные муки своего «брата». Воспроизводя евангельский миф, Л.Н. Андреев повествует лишь о распятии Христа и не изображает его воскресения.

Своеобразна антагонистическая пара героев-идеологов (Сатана – Магнус) в романе-мифе «Дневник Сатаны». Сатана, вочеловечившись, надевает маску не просто человека, а филантропа и, пройдя круги земного ада, становится Христом, которого «взорвали». Фома Магнус не просто человек, а «может, побочный сын» [1, т. 6, с. 138] Отца Дьявола, «земной брат» Сатаны, носящий маску философа, химика, отшельника. Он авантюрист, претендующий на мировое господство, а его окружение – «бесы». Имя Фомы Магнуса означает «близнец» и «старший, большой». Он даже внешне похож на своего «брата»: «высокий, почти моего (Сатаны – *А. Р., М. С.*) роста и склада, лицо бледное и как будто утомленное, черная смоляная бандитская борода. Но лоб большой и умный нос... Красивый и сделанный тончайшим резцом не из мяса и хрящей, а из мыслей и каких-то дерзких желаний» [1, т. 6, с. 126]. Сатана и Магнус меняются ролями. Задуманная Сатаной игра с людьми сначала уподобляется веселому и увлекательному спектаклю в театре марионеток, но Судьба играет вочеловечившимся Сатаной. Он стал куклой в театре марионеток. Теперь Магнус дергает за нитки марионетку Сатану-Христа, жалкие шарлатаны – исполнители земных ролей – руководят Сатаной-Вандергудом.

Второй тип двойничества – «карнавальная пара» – реализуют такие отношения персонажей, как взаимодополнение и взаимозамещение. В генетическом отношении он восходит к европейскому карнавалному сознанию и распространяется от античной комедии до реализма. Чаще всего встречающиеся пары – это царь-шут и хозяин-слуга, между которыми устанавливаются отношения культурного патронажа.

Наиболее яркая, но видоизмененная «карнавальная пара» у Л.Н. Андреева – пара Сатана – черт Топпи («Дневник Сатаны»). Эти герои представляют не расколотый, а, напротив, единый, «гармоничный» социум. Оба принадлежат одному пространству («пришли» из ада) и связаны отношениями патронажа («Эрвин Топпи, Мой (Сатаны – *А. Р., М. С.*) секретарь» [1, т. 6, с. 121]). Герои имеют разные цели, но жизненные пути их проложены по одной дороге. Внутреннее сходство персонажей (демонизм) и мотив странствия (вочеловечивание, путешествие по морю и Италии) роднят их с двойниками-близнецами, однако у них разное положение в системе персонажей и значительные отличия их систем ценностей, обусловленные разным «социальным» положением героя (Сатаны) и спутника (Топпи).

«Спутник» Топпи выполняет комическую функцию, пародируя главного героя: это «личность весьма почтенная в своем черном сюртуке и цилиндре, с своим отвислым носом, похожим на незрелую грушу, и бритым пасторским лицом; <...> бездельник

совершенно нечувствителен к качке; <...> глуп непроходимо – даже для земли. Кроме того, он груб и дает советы» [1, т. 6, с. 121]. Черт Топпи не только оттеняет, но и дополняет Сатану, создавая с ним единый, универсальный образ. Человек играет высшими силами, ставит над ними эксперименты, но все равно остается ничтожен и глуп. Так, по мере погружения в «глубину дрянной человечности» Сатана пережил духовную эволюцию, превратившись сначала в захваченного страстью Демона – поэта и художника, открыв красоту мира и ценность любви, затем – в Человека и, наконец, в лучшего из людей – в Христа – и был «распят» (взорван) Магнусом. А Эрвин Топпи «уже принимал человеческий образ и настолько проникся религиозными идеями, что <...> вступил в монастырь братьев францисканцев, прожил там до старости и мирно скончался под именем брата Винченца. Его прах стал предметом поклонения для верующих» [1, т. 6, с. 121]. И вновь он предстает под маской пастора, проникшегося «религиозными идеями». Топпи пережил своего патрона.

В отличие от двух других типов двойничества, близнечная модель не репрезентирует расколотый на два мира социум (или сознание человека). Здесь два героя противопоставлены только внешне, на риторическом уровне. На содержательном уровне их антагонизм оказывается мнимым. Таковы, например, образы сестры Линочки и невесты Саши Погодина-Жегулева – Жени Эгмонт («Сашка Жегулев»). При всей их индивидуальности в финале романа они выявляют свою истинную суть и предстают как две ипостаси «вечной Матери» – как Сестра и Невеста: «в тихом шелесте платьев, почему-то черных и шелестящих, жили призрачной и бессмертной жизнью три женщины, касались еле слышно, проходили мимо в озарении света и душистого тепла, любили, прощали, жалели – три женщины: мать-сестра-невеста» [1, т. 4, с. 235]. По сути, эти три персонажа (мать, сестра и невеста героя – *А. Р., М. С.*) являются воплощением всей гаммы женской любви: любви невесты, сестры и матери, воплощением «Вечной женственности», суггестивно включающей в себя и углубляющей свой философский, мифологический смысл за счет мифологичности образа Прекрасной Дамы, представленной А.А. Блоком в символистском цикле «Стихи о Прекрасной Даме».

Близнечные двойники представлены и в повести «потока сознания» «Жизнь Василия Фивейского». В детях о. Василия оказалось сконцентрировано все темное, ужасное и безумное, что было в нем самом. Оба сына о. Василия Фивейского (тоже Василии) очень похожи на отца внешне. Они «близнецы»: первый сын Вася утонул, через четыре года родился второй сын, тоже Вася, а «через три года ясно стало, что новый Вася родился идиотом» [1, т. 1, с. 498]. Дочь Настя носит тоже не свое, а материнское имя – попадьи Насти. Дети так похожи или стараются (Настя) быть похожими друга на друга. Объединяет Настю и Васю-идиота «зверинное» начало: девочке рядом с матерью «хотелось скулить, как заброшенному щенку» [1, т. 1, с. 450], а Вася «полюбил кусаться и угрожающе скалил зубы, как собака» [1; т. 1, с. 499]. Дети о. Василия предстают в тексте как абсолютно идентичные в плане противостояния злой судьбе, которая преследует их и в конце концов уничтожает, они являются «близнецами» своего отца и полностью повторяют его судьбу.

Таким образом, близнечное двойничество характеризуется идентичностью функций персонажей, их принадлежностью к одному миру, оно всегда связано с идеей социального, мировоззренческого, нравственного распада. Персонажи-близнецы предстают как модель общей судьбы в ее негативной оценке. Для агентов близнечной пары в произведениях Л.Н. Андреева характерны неприкаянность, бездетность, мотив сумасшествия и сиротства.

Основные типы двойничества постоянно видоизменяются, поэтому по-разному классифицируются. Согласно концепции С.Д. Кржижановского [6] выделяются два основных вида двойничества. Первый основан на удвоении индивида, при котором изображенное явление (целое) представлено с помощью двух героев, повторяющих и дополняющих друг друга. Второй вид – раздвоение целого, где автор занят уже не осмыслением общего явления, а наблюдением за его частью – осознанием героем своего «раздвоения», его мыслями и чувствами, душевными переживаниями. Используя терминологию С.Д. Кржижановского, можно назвать «удвоенных» персонажей *individuum*'ами, а двойника, в котором воплощается грань сознания центрального героя, – *dividuum*'ом.

В творчестве Л.Н. Андреева, где в большей степени изображается противоречивая, раздвоенная, не равная самой себе личность, преобладают *dividuum*'ы. Чаще всего это персонажи, переживающие грани сознания главного героя-идеолога, то есть другие герои (Сергей Петрович («Рассказ о Сергее Петровиче»), доктор Керженцев («Мысль»), о. Василий («Жизнь Василия Фивейского»), Иуда («Иуда Искариот»), Елеазар («Елеазар»), Погодин-Жегулев («Сашка Жегулев»), Сатана («Дневник Сатаны»)). Такие двойники помогают и самому герою, и читателю осмыслить суть идеи, претворенной с помощью данных персонажей в жизнь: Л.Н. Андреев постепенно развенчивает претензии личности на роль сверхчеловека. В связи с этим большое значение приобретают категории раздвоенности и цельности как показатели динамики развития личности, ее эволюции, которая порой может быть и деградацией.

В своем творчестве Л.Н. Андреев исследовал и социальную психологию. Одним из приемов ее характеристики являются разновидности двойников-*individuum*'ов. Писатель давал своим «собираемым типам» яркие номинации: «пушкари» («Баргамот и Гараська»), игроки в карты («Большой шлем»), жители слободы («На реке»), «гнедые», «лесные братья» («Сашка Жегулев») и др. Каждый из типов представлен целой галереей персонажей-*individuum*'ов (ведь суть двойничества не меняется в зависимости от количества персонажей). Однако не все они статичны. В результате переживания серьезных жизненных конфликтов некоторые герои начинают осознавать драматизм своего «двогласия». Нравственное пробуждение героя подчеркивается изображением его прежних двойников, оставшихся неизменными. Эта форма двойничества представлена, как правило, в раннем творчестве Л.Н. Андреева.

Выводы. Итак, в связи с широким полем значений, которое имеет понятие «двойник» в литературоведении, и обширным и многообразным творчеством Л.Н. Андреева сложно очертить границы и выделить критерии, по которым тот или иной герой писателя получает статус персонажа-двойника. Однако, опираясь на предложенные классификации, основой которых является интертекстуальный сюжетный мотив, можно говорить о двойнике как об элементе структуры произведений Л.Н. Андреева. Намечены типологически сходные персонажи, а порой и литературные типы, имеющие прямое отношение к двойничеству.

Материалы данной статьи дают основание расширить круг традиционных литературоведческих проблем по исследованию творчества Л.Н. Андреева. В дальнейшем изучении вопроса возможен более широкий охват литературного материала и более детальная классификация двойничества у Л.Н. Андреева. Наиболее перспективным направлением считаем изучение форм воплощения внутреннего конфликта в душе героя таких

разновидностей двойников-*dividuum*'ов, как отражение, искusstель и оборотень.

Литература:

1. Андреев Л.Н. Собрание сочинений : в 6 т. / Л.Н. Андреев ; [редкол.: И.Г. Андреева, Ю.Н. Верченко, В.Н. Чуваков] ; вступ. статья А.А. Богданова ; сост. В.А. Александров, В.Н. Чуваков ; коммент. В.Н. Чувакова. – М. : Художественная литература, 1990–1996.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – 2-е изд. – М. : Художественная литература, 1990. – 543 с.
3. Грудкина Т.В. Феномен двойничества в русской литературе XIX века (В.Ф. Одоевский, А.П. Чехов) : дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература» / Грудкина Т.В. – Шуя, 2004. – 194 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.lib.ua-gu.net/diss/cont/92474.html#introduction>.
4. Козлов Е.В. Вторичный персонаж в разных типах повествовательных текстов / Е.В. Козлов // Художественная антропология : Теоретические и историко-литературные аспекты / [под ред. М.Л. Ремневой, О.А. Клинга, А.Я. Эсалнек]. – М., 2011. – С. 104–113.
5. Комова Т.Д. От Свидригайлова к Ставрогину. К эволюции литературного типа в творчестве Ф.М. Достоевского / Т.Д. Комова // Русская словесность. – 2011. – № 3. – С. 29–35.
6. Кржижановский С.Д. Философема о театре; Комедиография Шекспира / С.Д. Кржижановский // Кржижановский С.Д. Собрание сочинений : в 5 т. – СПб., 2001–2006. – Т. 4. – 2006. – С. 73–195.
7. Крылова А.Н. Определение понятия «двойничества» в литературе и философско-эстетическая база его возникновения / А.Н. Крылова // Парус. – № 34. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://litbook.ru/article/6964>.
8. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа / Е.М. Мелетинский. – М. : Наука, 1976. – 407 с.
9. Новикова Е.В. Типология героев-двойников и структурные особенности представления двойничества в произведениях Э.Т.А. Гофмана / Е.В. Новикова // Гуманитарные научные исследования. – 2014. – № 11. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://human.snauka.ru/2014/11/8202>.
10. Рымарь Н.Т. Поэтика романа / Н.Т. Рымарь : под ред. С.А. Голубкова. – Куйбышев : Изд-во Саратовского университета, Куйбышевский филиал, 1990. – 257 с.
11. Серге Ч. Две истории о друзьях-«близнецах»: к вопросу об определении мотива / Ч. Серге // Мировое древо. – 1992. – № 1. – С. 20–27.

Рубан А. А., Семяннікова М. І. Типи двійництва в прозі Л. М. Андреева: загальна характеристика

Анотація. Стаття присвячена феномену двійництва в прозі Л.М. Андреева. Розглядаються в загальному аспекті такі типи двійництва, як двійники-антагоністи, карнавальні пари, близнюки. Звертається увага на інші класифікації, пропонується аналіз таких двійників Л.М. Андреева, як двійники-*individuum*'и та двійники-*dividuum*'и.

Ключові слова: двійництво, персонаж, Л.М. Андреев, двійники-антагоністи, карнавальна пара, близнюк, аналіз твору.

Ruban A., Semyanikova M. Types of duality in L.N. Andreev's prose: general description

Summary. The article is devoted to the phenomenon of duality in L.N. Andreev's prose. There are considered such types of duality as opposed doubles, carnival couple, twins. Attention is drawn to different classifications. An analysis of Andreev's doubles as doubles-*individuum*s and doubles-*dividuum*s is presented.

Key words: duality, character, L.N. Andreev, opposed doubles, carnival couple, twins, analysis of a literary work.